

18+

Дмитрий Грачёв

Путешествия за пределы «Пузыря»

Дмитрий Грачёв Путешествия за пределы «Пузыря»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54978702

ISBN 9785449884336

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. «Все мы живем в некоем подобии пузыря, – наставлял Вульдемар своего ученика. – Но то, что ты увидишь за его пределами, – только твое. Лучше про это никому не говорить...»

Содержание

Про то, о чём лучше никому не говорить...	5
От автора	5
Чёрный пузырь	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Путешествия за пределы «Пузыря»

Дмитрий Грачёв

© Дмитрий Грачёв, 2020

ISBN 978-5-4498-8433-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Про то, о чём лучше никому не говорить...

От автора

Не так уж и давно, каких-то шестьдесят пять лет назад, а если быть абсолютно точным, то в 1955 году, из чуть покосившегося от времени, но всё ещё по-американски добротного, крепкого и громоздкого дома, расположенного в солнечном штате Огайо, США, бережно притворив за собою дверь, вышла пожилая уже женщина с крохотной котомкой на плече, постояла у входа секунду-другую и неспешно пошла навстречу восходящему солнцу. Звали старушку Эмма Гейтвуд. Или, как впоследствии прозвали свою героиню многие американцы (и не только) – Бабушка Гейтвуд. Было ей на тот момент уже шестьдесят семь лет. Дома остались ни много ни мало, а одиннадцать детей, двадцать четыре внука, не меньше правнуков и, как следствие, целый ворох забот и проблем.

«Пойду, прогуляюсь!» – сообщила домочадцам бабушка Эмма и ушла, прихватив с собой только самодельную сумку-котомку, лёгонький плащ, армейское одеяло да пластиковую занавеску от душевой кабинки. Вернулась она лишь

спустя несколько месяцев, прошагав в одиночку пешком около трёх с половиной тысяч километров по труднейшей, известной многим путешественникам Аппалачской тропе, проходящей через четырнадцать штатов и несколько горных массивов, успев прославиться не только на всю Америку, но и на весь мир.

Трудно сказать, что побудило старушку отправиться в столь опасное и нелёгкое путешествие (а справедливости ради необходимо отметить, что до своей смерти в 1973 году, да упокоит Господь её душу, Бабушка Гейтвуд трижды проделывала подобный «трюк»). Возможно, это была страсть к приключениям, возможно, способ сбежать от домашних проблем, вычеркнуть из памяти опостылевшего мужа, нещадно избивавшего бедную женщину вплоть до самого, практически невозможного в те времена, развода, может быть, что-то ещё... Кто её знает. Но, так или иначе, многие и многие считают этот поступок зарождением целого направления в пешеходном туризме – легкоходства, отличительной чертой которого является максимальное снижение веса снаряжения туриста без угрозы для его безопасности (вы ведь помните, какой минимум вещей несла собой Бабушка Гейтвуд). Нынешние легкоходы разгружают свои рюкзаки до десяти килограммов, ультралегкоходы – до пяти, а совсем экстремалы – до двух с половиной, но мне интересно совсем другое. Философия, так сказать, данного течения. Итак, базовые идеи легкоходства:

— Доверие к Природе. Разумное сближение с ней (с дикой природой) увеличивает наш комфорт и безопасность.

— Каждая вещь используется с максимальной эффективностью.

— Каждый предмет снаряжения лучше продуман, поэтому обладает меньшей избыточностью. Это вовсе не означает минималистический подход. Предметов у легкохода может быть столько же, сколько и у обычного туриста.

— Уверенность, что лёгкое снаряжение вполне надёжно и работает также хорошо, как и стандартное.

Так написано в «Википедии». Думала ли об этом Эмма Гейтвуд, пересекая половину Америки? Вряд ли. Наверное, только о первом пункте. Остальное – лишь следствие самого действия: путешествия, похода, странствия... А вот доверие к Природе – это Идея. Вера в Природу, Космос, в Бога, желание слиться с Ними, понять, постичь Их тайны – кто как проецирует данную философию, но именно эта вера становится во главу угла и позволяет человеку даже на склоне лет безбоязненно идти по своему пути. Не только позволяет – зовёт в путь. В дорогу, которая пусть и будет нелегка, но непременно приведёт к чему-то необычайному, светлому, лишённому рутины и обыденности. А Бог это, Космос или Природа – тут уж дело личных убеждений и взглядов, хотя многие и понимают, что, по сути, это практически одно и то же. Как бы то ни было, но именно по этой причине люди испокон веков, побросав все мирские дела, отправлялись

в путь. Пилигримы, паломники, калики переходящие, просто странники... Кого только не было на грешной земле. Тысячи и тысячи людей-человеков с котомками за плечами (а некоторые и вовсе безо всего) шли и шли через все препятствия к своей недостижимой, а порой и просто мифической цели.

Эмма Гейтвуд – не первый легкоход. Таковых было многие сотни сотен и до неё. И если отставить в сторону вопрос религии или иных причин, побудивших людей к странствию, то всех их (включая и Бабушку Гейтвуд) объединяет одно: наличие мечты, стойкое желание дойти до неё и понимание того, что в пути ничего не потребуется. Господь Бог, Космос или Природа сами снабдят всем необходимым, дадут всё, что нужно, и не пошлют испытаний бóльших, чем человек сможет вынести. Кажется, именно так записано в Библии и других священных текстах всех мировых религий. И относится это не только к странствиям, но и к жизни вообще. Многие люди по этическим, экологическим, опять же религиозным или иным причинам отказываются от большинства благ современной цивилизации и стараются жить проще. Есть даже название сему – опрощение. Сам этот термин, прежде всего, известен по учению Льва Толстого, но не следует путать его с аскезой. Не всех сторонников опрощения можно назвать аскетами. Вот уж не всех...

В истории известно много случаев, когда люди жертвовали карьерой, социальным статусом, богатством в пользу духовного самосовершенствования. Так, римский император

Диоклетиан отправился доживать свой век в Иллирию, поселился там в своём поместье, где прожил восемь лет в полнейшем уединении. На попытку Максимиана и Галерия убедить его возвратиться снова к власти, он ответил решительным отказом, заметив, между прочим, что если бы они видели, какова его капуста, которую он сам посадил, то не стали бы в другой раз приставать к нему со своими предложениями. Вот так-то вот: император – в садовники. И всё для души. Ох, и чудны дела Твои, Господи...

Простую жизнь в гармонии с природой проповедовал американский писатель Генри Дэвид Торо, автор книги «Уолден, или Жизнь в лесу». Знаменитым примером опрощения, как я уже говорил ранее, является классик русской литературы Лев Толстой. После глубокого мировоззренческого кризиса, сопряжённого с религиозными исканиями (повлекшими за собой отступление от православной церкви), писатель пришёл к мысли, что лучшая жизнь – это жизнь земледельца, крестьянина, «простого трудового народа», не обременённого излишними материальными ценностями. Толстой писал: «...доход отдать на бедных и школы... Прислуги держать столько, сколько нужно... и то, приучаясь обходиться без них... По воскресеньям – обеды для нищих и бедных, и чтения, и беседы... Жизнь, пища, одежда – всё самое простое. Всё лишнее: фортепьяно, мебель, экипажи – продать, раздать...» И много-много чего ещё в этом же духе, что можно найти в трудах классика, если заглянуть чуть подальше

школьной программы.

Идеи Льва Толстого на практике пытались воплотить его последователи – толстовцы, создававшие земледельческие коммуны и пытавшиеся жить в них «по заветам великого писателя», и, хотя получили сильнейшее сопротивление и непонимание со стороны власть имущих, всё же шагнули далеко за пределы России: в Индию, Китай, Японию, чуть меньше – в Европу и даже в зачехленную Америку.

В США в 1960 годы возникло движение хиппи, которые проповедовали уход из дома и общества для жизни среди единомышленников в мире, основанном на любви, дружбе, взаимопомощи и свободе. Ну чем не библейские принципы?

В общем, если покопаться в истории, то станет абсолютно понятно, что с самых ранних ростков человечества человечество это в душе стремилось к простоте и избегало излишнего накопительства. Но в тоже время другая, несоизмеримо большая сила (вероятно, дьявольская, душе противная), побуждала человека к иному: хватать, копить, брать, царствовать... Уж поверьте, для древних римлян Диоклетиан со своей капустой был просто сумасшедшим, Христа за его проповеди распяли (смотри Нагорную проповедь – не призыв ли к опрощению?), Л. Толстого – просто отлучили от церкви, ну а хиппи – «сущее воплощение зла», не говоря о каком-нибудь дауншифтинге или других контркультурах. Наше общество, к сожалению, безнадежно.

Страсть к владению абсолютно ненужным скарбом у нас

в крови. И все, кто не такие, как мы – Диоклетианы всякие, хиппи, бомжи – эталон упадка и глупости. Грустно, однако. Но так ли всё плохо на самом деле? Прислушайтесь! Прислушайтесь к своему сердцу! Слышите? Чувствуете лёгкое-лёгкое пробуждение любви и сострадания к окружающему вас миру? Слышите нежное пение небесных ангелов о доброте и ласке, о Рае и Отце Небесном? Слышите? Ну и отлично: покуда не стихла эта мелодия, бегите продавать квартиру, машину, деньги раздавайте нищим попрошайкам, а сами налегке ступайте к солнцу...

Нет? Конечно, нет. Это шутка. Да и как бы я мог призывать к такому поступку. На это был способен только Христос. Ну, ещё Лев Толстой. А мы? Мы все безнадёжны... Хотя, если серьёзно, мало кто из нас без жалости и какого-то душевного трепета может смотреть, как грязный, убогий бомж достаёт из рваного кармана своего ветхого пальтеца чёрствую горбушку хлеба и трепетно сосёт её беззубым ртом. Почему он не такой, как мы? Что случилось с этим человеком? Разве же это важно?! В жизни бывает всякое, и, как говорится, «от сумы да от тюрьмы не зарекайся». Разные испытания выпадают людям, но кто-то их достойно преодолевает, а кто-то не может, падает вниз и ждёт смерти. Всё, наверное, зависит от зрелости души человека и его веры. Веры в помощь Природы, Космоса, Вселенной или, если хотите, Бога...

В общем, тот читатель, который решил-таки прочитать

мою книгу, наверняка уже задался вопросом: «Зачем это я расписываю тут то, что и так известно, если не большинству, то, по крайней мере, очень многим?» Не знаю. Всем, написанным выше, я хотел сказать только одно: что человек, независимо от того, хороший он или плохой, верующий или атеист, богатый или бедный, христианин или мусульманин – все от своего рождения и самой смерти занимаются Богоискательством, ищут своего Бога. Кто-то находит его в Духе, а кто-то – в Мамоне. Есть и те, кто служит «двум господам». Но право, и я в этом уверен, что Душа каждого человека стремится к Духу. Не может быть иначе. К Мамоне тяготеет плоть, и тело это обременено болезнями, немощью, старостью и смертью. Но оно же даёт и немислимые удовольствия. Дух светел, тело порочно. И у каждого – свой Бог. Человек же с дарованной ему свободой воли на вечном распутье и в поиске истины. Но вот как её найти, как познать окружающий тебя мир? Вопрос вопросов! Нет, я никого не хочу в чём-то убедить и сказанное выше решил только для себя: ключ ко всему – опрощение и странничество. И если это не самое главное, то уж точно основополагающее. На мой взгляд, просто необходимо отказаться от всех привязанностей, привычек, имущества, долгов и обязанностей, то есть от всего, что только будет тормозить и увлекать обратно к мирской жизни, и уходить в Природу, пытаться слиться с ней, жить по её законам так, как это делали наши предки миллион лет назад: без колеса, ружей, смартфонов и ра-

кет. Они были ближе к Истине на сотню порядков, чем мы, и вся Вселенная пела им свои песни, помогая жить в гармонии с собой. Именно это понял Диоклетиан, об этом писал Лев Толстой, знала Эмма Гейтвуд, исповедовали старообрядцы-странники и американские хиппи. Но путь такой воистину сложен, и плоть-зараза никак не хочет отпускать из своего плена.

Кстати, о хиппи. Знавал я одного презанимательного персонажа – Вульдемара. Как его звали по-настоящему, никто в точности не ведал. Может, Володя, может, ещё как. Все окружающие звали его просто хип. Или Вульдемар. Поговаривали, что когда-то, в молодости, он был вполне положительным молодым человеком, комсомольским активистом, но ещё в институте связался с подобными хиппарями, вплёл себе в волосы разноцветные шнурки-фенечки и «покатился». Невысокий, худощавый, в неизменных проношенных кедах и дырявых джинсах, с распущенными, длиннющими, не знающими ножниц волосами, уже пожилой шестидесятилетний Вульдемар виртуозно играл на такой же старой, как и он сам, губной гармошке почти что любую песню легендарного «Битлз», развлекая посетителей местного универсама и прокуренной разливухи, чем и зарабатывал себе на хлеб насущный и на стопочку-другую горькой. Выпить хип любил. Впрочем, на этой почве мы с ним и познакомились. Помнится, несколько лет назад, находясь в добром расположении духа и каком-то приподнятом настроении, я

имел удачу угостить хипа водочкой. Почему удачу? Да потому, что на поверку этот невымытый тип оказался интереснейшим собеседником. Тогда-то я и узнал, что Вульдемар интересуется теми же вопросами, что и ваш покорный слуга, и что изложены в самом начале моего повествования, но вот ответы на них он искал в ученье Карлоса Кастанеды, даже умудрился съездить в Мексику, но был срочно депортирован оттуда, так как сожрал какой-то редкий кактус. Повезло. Могли бы и посадить. Потом он изучал буддизм, индуизм и путь даосов – даосизм. Признаться, беседы с ним были для меня ну точно свет в окошке. Где бы я ещё вот так сразу узнал столько интересного и неведомого большинству обывателей? Нигде. И единственным минусом наших бесед была необходимость сдабривать их некоторым количеством водки. Но это мелочи в сравнении с огромным количеством плюсов. Меня восхищало то, что Вульдемар абсолютно не боялся болезней или смерти. «Я всецело познал свой путь и прошёл его. Мне ведома Истина, и я целиком готов покинуть чертоги этого мира. Меня ничего не держит», – говорил он, опрокидывая очередную стопку. «Так в чём же она, Истина? Расскажи, друг», – вопрошал я. «Нет, – ехидно щерился Вульдемар, – ты должен постичь её сам. Научить этому не получится. Возможно, нужно просто пожить с моё? Ты на правильном пути. Живи, учись, дерзай, люби и примирайся. Понял? Лучше любовь, чем война. И запомни, как говаривал Лао-Цзы: „Не выходя со двора, можно по-

знать мир. Не выглядывая из окна, можно видеть естественное дао. Чем дальше идёшь, тем меньше познаёшь. Поэтому совершенномуудрый не ходит, но познаёт всё. Не видя вещей, он проникает в их сущность“. Короче говоря, совершенномуудрый познаёт мир, не выходя из дома». На этом «проклятый хип» обычно замолкал, и все мои мольбы и угрозы с требованием пояснить данную позицию оставались безответными. Вульдемар умел заинтриговать. В остальном наши взгляды на жизнь совпадали. Кроме этого... Я считал странствие необходимым духовным аспектом, а он говорил, что «да, путешествовать хорошо, но лишь потому, что скучно сидеть на месте...» Я приводил ему в пример сонмы паломников и пилигримов, включая самого пресловутого Лао Цзы и других «странствующих с облаками» даосов, а он лишь лыбился и пил горькую, чем чудовищно выводил меня из себя. Это продолжалось довольно долго, пока однажды, повстречав меня на улице, хип не заявил: «Клавы Захаровны сегодня не будет дома, так что бери пузырь и приходи. Буду тебя учить познавать мир, не выходя из дома. Не против?» Не против! Вот ведь придурок! Да я мечтал об этом уже несколько лет...

Нет, никогда не понимал, почему Вульдемар зовёт свою сожительницу Светку Шусть Клавой Захаровной. Светка – дородная, большущая бабища – раньше, в молодости, тоже хипповала, жила в коммунах, но с возрастом остепенилась, выкинула все фенечки и стала обычной продавщицей. При-

ютила Вульдемара... Почему Клава Захаровна? Кто их поймаёт – старых хиппарей. Хотя прикольно: Клава... Но лыбился мой старый хиппующий друг явно не поэтому. Обрати ты на его ехидную физиономию внимание раньше и дай «задний ход», дальнейшего повествования просто бы не было. Да куда там: я уже летел в ближайший магазин за закусью и выпивкой, совершенно не подозревая, что меня ждёт.

Так что, уважаемый читатель, всё, прочитанное тобой ранее, это была лишь присказка. Сказочка будет дальше, да такая, что лучше бы про неё никому не рассказывать.

Чёрный пузырь

– Йо-хо-хо, а что это за мальчик тут у нас припозднился – замешкался? – на меня из-под огромных косматых бровей взирал лучезарными добрыми глазами самый настоящий Дед Мороз: в бархатной красной шубе, в таких же красных толстенных шароварах, громоздкой шапке и отточенных кожаных сапогах. Ну и, конечно же, с белой, как снег, длиннющей, до самого пояса, бородой.

Вокруг него весело прыгали и скакали какие-то шустрые бурундучки, пушистые бельчата и деловитые зайчики. Рядом, играя разноцветными огнями и необычайными сказочными игрушками, переливающимися искрящимися огоньками, стояла великолепная живая ёлка. Дед наклонился, бережно взял меня за талию огромными тёплыми рукавицами и усадил к себе на колени. А я... Я и был тот самый маленький мальчик в коротких штанишках, испуганно взирющий на волшебного старика. Не знаю, в какой именно момент произошла эта трансформация, но то, что мальчик – это я, было абсолютно точно. Все мои знания, мысли, желания остались при мне. Дедался только куда-то рост, лёгкая небритость и свитер с джинсами. Теперь я был пятилетним пацаном в голубенькой рубашонке, сереньких шортиках и лёгких сандаликах, испуганно восседающим на коленях величественного старика и готовящимся отвечать на «каверз-

ные» вопросы, чтобы получить долгожданный подарок. Старик же своим ласковым, но громким голосом, продолжал вещать.

– Йо-хо-хо, Димочка, так ведь, кажется, тебя зовут? Расскажи-ка, внучек, дедушке, как ты себя вёл, послушным ли был мальчиком и всегда ли слушался свою маму? Заслужил ли ты волшебный подарок из страны Оз?

«Бред какой-то! При чём здесь вообще страна Оз. Ведь это совсем из другой оперы. Чего вообще этот старикан от меня хочет? – закрутились мысли в моей, остававшейся „взрослой“, голове. – Что за игру он ведёт? Рассказать ему, что ли, про посиделки с Вульдемаром, про просроченный кредит и про новый клип „Ленинграда“, коим я довёл до белого каления всех соседей? То-то морда у старикана вытянется...»

– Послушным, дедушка. И мамочку всегда слушал, и учился на одни пятёрки, – сами собой, вовсе без моего участия, с дрожью прошептали «мои» губы. «Чёрт... не удалось деда огорошить. Ну, может быть, это и к лучшему?» – мысли были уже мои на все сто.

– Молодец, внучек! Что ж, Расскажи-ка дедушке теперь стихотворение. Да чтоб новогоднее...

«Да он что, издевается, что ли. Я кроме как „Здрасьте, Дедушка Мороз – борода из ваты“ и стихов-то новогодних не знаю. Вот только продолжение ему вряд ли понравится...» Однако, второй «я» с готовностью приподнялся на дедовых

коленях и тихим голосом залепетал:

Дед Мороз из леса
Ёлку нам прислал,
Огоньки развесил,
Сам под ёлку встал...

Наступает Новый год,
Скоро Дед Мороз придёт.
Приходи к нам, добрый дед,
Без тебя веселья нет...

– Ну всё, ну всё, Димуленька, вот ведь молодец какой, порадовал старика, – остановил «меня» дедушка. – Скажи-ка теперь, какой ты подарочек за это хочешь?

– Машинку... – сконфуженно и с надеждой прошептал второй «я». «Молодчина! Мерс проси у старика, шестисотый, цвета металлик», – кричали в голове уже собственные мысли.

– Машинку? – грустно протянул дед. – А зачем она тебе? Я вот старый, и то на оленях и санях езжу. И никогда не опаздываю. – Мороз на секунду замолчал.

– Ты вот что, внучек, присаживайся поудобнее да послушай одну сказочку. Выслушаешь и решишь, нужна ли тебе машинка. Скажешь нужна – будь по-твоему. А вдруг чего иного захочется? Согласен? Ну и отлично. Тогда слушай. Вы оба слушайте, – и так этот дед взглянул на «второго» ме-

ня своими лучезарными глазами, что мне и «первому» стало как-то не по себе.

* * * * *

– Если бы ты слушал меня раньше или хотя бы прочитал Карлоса Кастанеду, то знал бы, что все мы, люди, живём в огромном пузыре, ограничивающем наше видение и понимание не только собственного мира, но и Вселенной в целом. Миров множество, но ты даже представить их себе не можешь, покуда не научишься отодвигать «точку сборки», центр своего ограниченного мировосприятия, и выходить за рамки «тюрьмы-пузыря». Понял? Кастанеду читай, а не всякие там свои Библии-Шмиглии... – Вульдемар стоял посередине крохотной кухоньки Светкиной (простите, Клавды Захаровны) квартиры и намешивал в части принесённой мною водки какой-то «компот». Ссыпав из бумажного пакетика в грязную миску подозрительного вида сушёных ягод, коричневых резаных кусочков, больше напоминающих кору дерева, и явно ЛСД-шных грибов-паутинок, залил их некоторым количеством «горькой» и теперь водил по этой смеси столовой ложкой, погружая обратно всплывающие ингредиенты, и продолжал увещевать меня вкрадчивым голосом. – Понял? Мир многообразен и многосторонен. Ты видишь лишь то, что хочешь, что привычно, или что тебе позволяют. Но это не вся картина, лишь малая её часть...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.